

Пирожки с джусаем совсем остыли и затвердели, зато приготовленный Вэйшэном корень лотоса в густом османтусовом сиропе всё ещё сладостно исходил паром.

Цан Доушань, мгновенно позабыв о своей гордости, лишь тихо буркнул:

— Ладно, давай сюда.

И ароматный, сочащийся тягучей сладостью ломтик тут же оказался у него во рту.

Вэйшэн ласково взъерошил ему волосы.

— А теперь ложись-ка спать. Как только этот тип покажется, я тебя разбужу. Опиши его подробнее: как выглядит, во что одет? Чтобы я его сразу среди толпы приметил.

Цан Доушань, карауливший цель несколько ночей подряд, и впрямь выбился из сил. Он набросал приметы незнакомца и, едва он коснулся подушки, мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

Глубокой ночью, на исходе второй стражи, молодой чернокнижник наконец соизволил покинуть Павильон Благосклонной Луны. Вэйшэн принялся настойчиво расталкивать Цан Доушаня, однако тот спал мертвецким сном, и даже когда его кое-как растрясли, мальчик едва соображал, где находится. Опасаясь упустить цель, он без лишних слов сгреб мальчишку в охапку, бесшумно перемахнул через подоконник и спрыгнул вниз. Приземлился он мягко, почти беззвучно. Идущий впереди отступник даже не оглянулся — он шагал неторопливо и праздно, будто просто прогуливался под луной.

Вэйшэн легонько потрепал Цан Доушаня за щёки, пытаясь растормошить:

— Да проснись же ты, соня, очнись скорее.

Мальчик с трудом приоткрыл один глаз. Одолеваемый сонной одурью, он лишь вяло выдохнул:

— Понял я, понял...

С трудом подняв руку, он очертил пальцем в воздухе невидимый контур. Вокруг них тут же соткался тонкий, прозрачный барьер, надёжно скрывший их ауру от чужих глаз и ушей.

Заклинание помогло Цан Доушаню немного взбодриться. Теперь, укрытые завесой магии, они бесшумными тенями потянулись за своей целью.

Вскоре чистые ухоженные улочки остались позади. Дома вокруг становились всё более

убогими и перекошенными, а на обочинах дорог, сжавшись в комочки от холода, прямо в придорожной грязи спали нищие. Вэйшэн и Цан Доушань ступали осторожно, стараясь никого не задеть. Чего нельзя было сказать о молодом чернокнижнике: тот явно чувствовал себя в этих трущобах как дома. Он ловко перешагивал через раскинутые руки и ноги спящих бродяг и весело напевал себе под нос незатейливый мотив.

Цан Доушань мгновенно узнал этот напев. За простыми, легко запоминающимися строчками крылись тайные формулы тёмного учения, помогавшие неосознанно втягивать в тело крупницы духовной энергии. Тысячу лет назад уличные ребятишки распевали эти забавные песенки, даже не подозревая, что делают первые шаги по пути отступничества. Именно поэтому великие праведные ордены и правители династий когда-то объединились, нещадно карая за распространение подобных «непристойных напевов».

Но ещё удивительнее было то, что Вэйшэну этот мотив тоже показался знакомым.

В нём угадывались смутные отголоски той бесконечной, тоскливой поминальной песни, что звучала над Мёртвым морем в час, когда пробуждались его духовные каналы. Разве что песенка молодого отступника была куда проще и незатейливее грозного древнего плача.

Наконец парень добрался до места назначения. Перед ним стояла приземистая, полуразвалившаяся лачуга. Под дырявой застрехой раскачивался тусклый фонарь, отбрасывая грязный жёлтый свет. А прямо под ним, в густой тени, сидел сгорбившийся старик. В темноте его иссохшая, скрюченная фигура казалась мумией, из которой мрак выпил все соки.

— Учитель? Ну зачем вы выползли на улицу? Холодно же, ступайте в дом, — вполголоса проговорил парень, подходя ближе.

— Хэ... кхэ... — выдавил из себя старик. Из его горла вырвались лишь хриплые, лишённые смысла звуки.

Юноша, однако, прекрасно его понял. Он мягко улыбнулся:

— Да всё со мной в порядке, жив-здоров. Просто прогулялся немного, развеялся.

— Кха! Кхэ-кхэ!

Речь старика превратилась в жалкое, прерывистое клокотание, но парень лишь терпеливо покачал головой:

— Ладно вам, дедушка, не ворчите. Завтра никуда не пойду, обещаю.

Он бережно подхватил немощного старика под руку. Стоило тому шевельнуться, как ночную тишину прорезал резкий, скрежещущий звук железных цепей, волочащихся по камням.

Юноша торопливо перехватил тяжёлые звенья, чтобы они не гремели, увёл своего наставника внутрь лачуги и притворил хлипкую дверь, которая держалась на одном честном слове.

Ни ученик, ни его загадочный учитель так и не заметили слежки.

Цан Доушань постоял у дома ещё немного, а затем молча развернулся и побрёл прочь. Вэйшэн, так и не поняв, что именно открылось его маленькому спутнику, бесшумно последовал за ним. Лишь когда они покинули эти нищие окраины и вышли к обитаемым кварталам, мальчик замер на месте.

— Ну что... возвращаемся? — негромко спросил Вэйшэн.

Цан Доушань, не поднимая головы, тихо ответил:

— Да. Пошли.

Когда они вернулись в Обитель Бессмертного Чайника, небо на востоке уже начало светлеть. Едва добравшись до постели, Цан Доушань забылся глубоким сном и проснулся только ближе к вечеру. И хотя он наконец-то выспался, на его лице не было и следа радости.

— Ты чего такой кислый? — спросил Вэйшэн, ставя перед ним чашку с тёплым отваром из грушевой пасты и тарелку со свежееиспечённым, исходящим жаром пирогом. — Проголодался небось? Давай, подкрепись.

Мальчик без особого аппетита доел пирог, запил сладким отваром, но веселее не стал.

Вэйшэн решил зайти издалека:

— Ты узнал того старика?

Цан Доушань заметно оживился, в его взгляде блеснула искра интереса:

— Да. Я знаю его.

— И кто же он такой?

— Призрачный Клинок Сунь Сюэдао, — упавшим голосом произнёс мальчик. В его взгляде сквозила глубокая, застарелая печаль. — Когда-то он был самым грозным и известным отступником в Поднебесной. Пускай он и шёл путём тьмы, но подлости никогда не совершал. Он всегда платил добром за доброе, жестоко мстил врагам и люто ненавидел продажных чиновников. Для императорского двора он был как кость в горле, да и среди праведных

орденов о нём спорили без конца. Но даже злейшие враги не смели ставить под сомнение его благородство.

Мальчик тяжело вздохнул и нахмурился:

— Ума не приложу, как он мог докатиться до такой жизни... Он ведь был великим мастером, достигшим ступени Постижения Дао!

— Выходит, он лишился рассудка? — Вэйшэн отломил ещё кусочек пирога и протянул мальчику.

Тот послушно принялся жевать, задумчиво глядя в одну точку:

— Не просто лишился рассудка. Ему вырвали язык. Да так, что даже представить страшно, какой силой должен был обладать тот, кто одолел Сунь Сюэдао и сотворил с ним подобное.

"В прежние времена Сунь Сюэдао не уступал мне в силе, — размышлял Цан Доушань. — Тот, кто превратил грозного мастера в жалкого калеку, вполне мог оказаться моим убийцей"

— И что ты теперь намерен делать? — прервал его размышления Вэйшэн.

Цан Доушань ненадолго задумался:

— Для начала — стать сильнее. Сейчас я слишком слаб.

Пусть Сунь Сюэдао и превратился в полубезумного, немощного старика, напрочь позабывшего всё своё грозное искусство, недооценивать его нельзя. Лишённый разума мастер Постижения Дао — это спящий вулкан, способный в любой момент взорваться грубой мощью. Одолеть его в открытом бою сейчас просто невозможно.

Чтобы выведать у старика хоть крупицу правды, нужно сначала успокоить его и завоевать доверие. Только когда его истерзанный разум погрузится в зыбкую дремоту, появится призрачный шанс пробиться к его воспоминаниям.

К счастью, Цан Доушань уже переступил порог истинного совершенствования. Теперь ему была доступна Техника Сердца, Поднимающая Пыль — простейшая магия Иллюзорного Сердца из Свитка Сердца Сихэ.

Эта техника приносила наилучшие плоды, если использовать её вместе с особым благовоением. Тем же вечером Цан Доушань составил список редких трав, необходимых для приготовления состава, и передал его боссу Хуану, замаскировав под обычные нужды их лавки.

Босс Хуан взялся за дело с присущей ему расторопностью. Уже через три дня большая часть снадобий лежала на столе. С некоторыми позициями возникли трудности: приказчики божились, что отродясь не слышали таких названий, а потому принесли то, что созвучно звучало на слух.

Осмотрев принесённые корни и высушенные стебли, Цан Доушань лишь покачал головой от смеси смеха и грусти. Это были именно те травы, которые он искал. За прошедшее тысячелетие людское невежество исказило их названия до неузнаваемости.

Теперь, когда все составляющие были собраны, пришла пора долгой и кропотливой работы. Изготовление Благовония, Поднимающего Пыль, требовало исключительной точности. Желая исключить малейшую ошибку, мальчик лично следил за каждым шагом, из-за чего процесс затянулся до самой весны следующего года.

— И как у тебя только терпения хватает? — удивлялся Вэйшэн, наблюдая за его монотонной работой.

Цан Доушань аккуратно закапывал готовые благовонные шарики в кучу сухих веток и прелых листьев. Уплотняя землю слой за слоем, он со вздохом ответил:

— Спешка здесь только навредит.

— Так это же до весны ждать придётся!

— Придётся, — кивнул мальчик. — Им нужно созреть в земле не меньше шестидесяти дней. — Он посыпал яму известью, уложил сверху тяжёлую деревянную плаху и несколько раз прыгнул на ней, уплотняя дёрн. — Вот теперь готово. Слушай, а давай сегодня на ужин приготовим тушёную говядину с редькой?

— С ума сошёл? Говядина сейчас стоит баснословных денег. Может, лучше гуся запечём? — отмахнулся Вэйшэн.

Мальчик в ответ лишь фыркнул:

— Гусь весит добрых десять цзиней, он обойдётся куда дороже, чем пара кусков мяса! К тому же гусятина слишком жирная. Зимой положено есть именно говядину с редькой — она кровь разгоняет и тело греет.

Вэйшэн шумно выдохнул, выпустив облачко пара:

— Тогда уж проще раздобыть собачатины. Хочешь, я прямо сейчас пойду и прибью какую-нибудь бродячую псину? Если в городе не найду, сбегаю в лес. Зимняя собачатина жирная, нежная, в котелке упрет — пальчики оближешь, ничуть не хуже твоей говядины.

— Ну вот ещё, — недовольно поморщился Цан Доушань. — И куда только девается всё, что мы зарабатываем? Неужели у нас не найдётся лишней монеты на приличный кусок мяса?

— Да ладно тебе, доверься мне. Я так приготовлю собачатину — за уши не оттащишь. Хочешь, с лапшой обжарю?

— Говядину! Я хочу говядину! Слышать ничего не хочу о твоих собаках!

— Ладно-ладно, разнылся, барин, — примирительно замахал руками Вэйшэн. — Схожу я на рынок, так и быть.

<http://bllate.org/book/18329/1787687>